

DOI 10.58351/2949-2041.2026.31.2.012

Гринченко Ольга Владимировна,
Магистрант, НГПУ им. К. Минина
Grinchenko Olga Vladimirovna, Master's student
K. Minin Nizhny Novgorod State
Pedagogical University

Серебрякова Татьяна Александровна
кандидат психологических наук, доцент
НГПУ им. К. Минина
Serebryakova Tatyana Aleksandrovna
Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor
K. Minin Nizhny Novgorod State
Pedagogical University

**ПРОБЛЕМА МЕЖЛИЧНОСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ:
АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
THE PROBLEM OF INTERPERSONAL COMMUNICATION:
CURRENT ASPECTS OF CONTEMPORARY RESEARCH**

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные для современных психологов вопросы межличностной коммуникации. Акцент сделан на анализе работ ученых в области изучения специфики коммуникации в семьях, отягощенных проживанием семьи, как системы, сложных и стрессогенных жизненных ситуаций.

Abstract. This article examines issues of interpersonal communication that are relevant to modern psychologists. The focus is on the analysis of research on the specifics of communication in families burdened by the family as a system and complex and stressful life situations.

Ключевые слова: Общение, межличностное общение, структура общения, коммуникация, коммуникация в семье.

Keywords: Communication, interpersonal communication, communication structure, communication, communication in the family.

Проблема общения традиционно является одной из ключевых проблем, привлекающих внимание представителей различных наук о человеке. Так в философии феномен «общение» рассматривается с 2-х позиций: как форма бытия человека в мире и способ как «конституирования межсубъектных отношений» (М. Бубер, Э. Левинас, М. Хайдеггер, К. Ясперс). Рассматривая общение как особый тип отношения «Я – Ты», М. Бубер обращает внимание на то, что лишь общение, выступая формой «экзистенциальной встречи» [2] и определяющее сам способ «человеческого бытия» [2], позволяет субъекту вступать в подлинный диалог с другим, признавая его уникальность.

Как «механизм социальной интеграции и воспроизводства общественных структур» (М. Вебер [3, с. 603], Дж.Г. Мид [9] и т.д.) трактуется общение в социологии. Например, М. Вебер [3], определяя «социальное действие» как поведение, ориентированное на другого и наделенное субъективным смыслом, обращает внимание на то, что формой осмысленного взаимодействия, в котором участники соотносят свои действия с предполагаемыми действиями других людей, может выступить только общение. Аналогичную позицию мы встречаем и в работах такого представителя символического интеракционизма, как Дж.Г. Мид [9]. Трактуя общение как процесс обмена значимыми символами, посредством которого формируется «Я» и происходит интерпретация социального опыта, с точки зрения данного ученого [9] механизмом конструирования социальной реальности через интерпретацию и согласование значений выступает не что иное, как коммуникация.

Как способ трансляции символических значений и культурных кодов общение рассматривается представителями культурологи (Р. Барт, К. Гирц, Ю.М. Лотман, У. Эко). В частности, Ю.М. Лотман [7] подчеркивает, что коммуникация представляет собой процесс передачи и переработки информации в системе культуры, где текст выступает посредником между субъектами взаимодействия. Общение при этом рассматривается как способ существования и воспроизводства культурных смыслов.

Особый интерес к феномену общения в психологической науке фиксируется у представителей психологии (Г. Келли, Дж. Г. Мид, К. Роджерс; Г.М. Андреева, А.А. Бодалев, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, М.И. Лисина, Б.Ф. Ломов, В.Н. Мясищев, А.В. Петровский и т.д.). И это не является случайным! Как доказано многочисленными исследованиями как зарубежных, так и отечественных психологов, являясь существом социальным, человек с первых моментов своей жизни испытывает потребность в общении, взаимодействии с окружающими его людьми. На базовых уровнях онтогенеза данная потребность, в первую очередь, сопряжена с эмоциональными контактами с окружающими. По мере взросления, развиваясь, она трансформируется в потребность в глубоко личностном общении и сотрудничестве. Более того, именно в процессе общения, а именно – через коммуникацию – человек получает так необходимые ему знания о мире и опыт взаимодействия с ним.

Рассматривая общение как деятельность, в рамках которой осуществляется организация совместной активности, формирование системы межличностных отношений и развитие субъекта в пространстве социальных связей, обусловленные мотивами, целями, личностными смыслами и системой отношений человека к другим людям (А.А. Бодалев Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, В.Н. Мясищев и т.д.), как процесс, ориентированный на интерпретацию и согласование значений, установление психологического контакта и достижение взаимопонимания, что возможно благодаря символическому посредничеству, эмпатии, социальной перцепции и регуляции взаимодействия (Дж. Г. Мид, К. Роджерс; Г.М. Андреева, А.А. Бодалев) и даже как относительно самостоятельный психологический феномен, особая форма межличностного взаимодействия, имеющая многоуровневую организацию и обладающая собственной структурой, функциями и закономерностями (Г.М. Андреева, Б.Ф. Ломов и др.), в структуре общения в качестве его важнейшего элемента выделяют коммуникацию (Г.М. Андреева, Б.Ф. Ломов, А.В. Петровский), понимая ее как информационный аспект общения, обеспечивающий обмен сообщениями и взаимопонимание партнеров (Г.М. Андреева [1]). Аналогичную позицию мы находим и у Дж. Г. Мида [9], рассматривающего коммуникацию как процесс обмена значимыми символами, что объективно и приводит как к формированию собственного «Я» индивида, так и конструированию социальной реальности (Дж. Г. Мид [9]). Определяющая роль коммуникации для личностного развития подчеркивается и К. Роджерсом [12], с точки зрения которого именно эмпатическое понимание и безоценочное принятие в процессе взаимодействия создают условия для психологического роста субъекта. По мнению же Б.Ф. Ломова [6], коммуникация – это многоуровневый процесс взаимовлияния и координации действий, обеспечивающий регуляцию совместной деятельности и развитие субъекта в системе социальных отношений [6].

Вместе с тем, как свидетельствуют результаты современных исследований (Б. Бюхнер, У. Веземанн, К. Лео, С. Дж. Фредман; Е.В. Вавулина, К.А. Гниденко, П.А. Горина, А.А. Каган, Е.М. Корж, Т.Л. Крюкова, А.А. Лубкова, А.В. Маркова и др.), именно в сфере межличностной коммуникации наиболее часто возникают трудности и нарушения, оказывающие влияние на устойчивость семейных отношений. Изучая эмоциональную поляризацию супругов, коммуникативную закрытость и влияние посттравматических состояний на взаимодействие партнеров, ученые обращают внимание на несоответствие между знанием принципов конструктивного общения и способностью их реализовать, которые, как считают исследователи, и выступают как фактор, негативно влияющий на общение даже между близкими людьми. Так, вывод о недостаточной информированности супругов о конкретных способах профилактики негативной коммуникации делает П.А. Горина [5]; К.А. Гниденко [4]

исследует роль личностных и ситуационных факторов, опосредующих эффективность взаимодействия; Н. Чикрыкчи [15] акцентом своего исследования делает вывод о том, что знание о природе коммуникации само по себе не обеспечивает коммуникативной компетентности, поскольку последняя включает мотивацию и способность применять знания в реальном взаимодействии [15].

Частным вопросом, активно исследуемым современными отечественными и зарубежными учеными (Э. Гечер, У.Р. Зальцман, С. Дж. Фредман; К.А. Гниденко, Е.А. Данилова, О.А. Екимчик, Т.Л. Крюкова, Т.П. Опекина, Н.С. Шипова и пр.), является оптимизация межличностной и семейной коммуникации в сложных и стрессогенных жизненных ситуациях. Согласно данным Всероссийского центра изучения общественного мнения [11], коммуникативные факторы – непонимание между супругами, неумение договариваться, частые конфликты и отсутствие эмоционального контакта – стабильно занимают одно из ведущих мест среди причин разводов в России, подчеркивая значение качества межличностного общения как условия сохранения устойчивости семьи как системы.

Цель нашего исследования – опираясь на теоретическое наследие, определить степень изученности проблемы коммуникации в семьях, отягощенных хроническим социальным стрессом, вызванным пребыванием одного из членов семьи в условиях боевых действий.

Наш интерес к данному, достаточно узкому с нашей точки зрения, вопросу, объективно обусловлен современной социальной ситуацией, характеризующейся пролонгированным воздействием на человека стрессогенных факторов и высокой степенью неопределенности его жизненных перспектив. Хронический стресс усиливает тенденцию к эмоциональной дистанции, коммуникативной закрытости, нарушению вербализации переживаний и формированию дисфункциональных паттернов взаимодействия; усиление тревожности, трансформация привычных социальных и семейных ролей, вызванные последствиями специальной военной операции, длительной разлукой, угрозой безопасности и изменением жизненного уклада создают условия, при которых поддержание устойчивого диалога и эмоциональной регуляции внутрисемейного взаимодействия оказывается существенно затрудненным, усиливаются тенденции к эмоциональной дистанции, коммуникативной закрытости, нарушению вербализации переживаний и формированию дисфункциональных паттернов взаимодействия (Б. Бюхнер, У. Веземанн, К. Лео, С. Дж. Фредман; Е.В. Вавулина, И.П. Лотова).

Осуществив детальный анализ исследований в области интересующей нас проблематики, мы делаем вывод о том, что возвращение военнослужащих из зон боевых действий – критический переходный этап их жизни, сопровождающийся не только индивидуальными психологическими трудностями, но и выраженными межличностными нарушениями (Дж. Бонанно [19] и М. Моббс [19]), что, как полагают исследователи, с одной стороны, – связано с перестройкой ролевых ожиданий, социальных связей и моделей взаимодействия, объективно обусловленных адаптацией к гражданской жизни, а – с другой, – создает дополнительную нагрузку на семейную систему. На феномен отчуждения ветеранов, проявляющийся в трудностях осмысления и вербализации пережитого боевого опыта, а также в ощущении непонимания со стороны гражданского окружения, включая членов семьи, что ведет к коммуникативной закрытости, избеганию обсуждения значимых тем и снижению глубины межличностного взаимодействия, поскольку травматический опыт не интегрируется в систему личностных смыслов, обращает внимание Б. Бюхнер [13; 14]. Аналогичный вывод сделан и И.П. Лотовой [8], выделяющей этап острых психических реакций при выходе из военной среды, как один из этапов адаптации человека к мирной жизни, отмечая объективную обусловленность таких симптомов, как ломка жизненных стереотипов, дефицит активного поведения, разрушение привычных форм социального функционирования [8].

Сопоставляя позиции зарубежных и отечественных авторов, мы полагаем, что речь идет не только о ситуативной дезадаптации, но и о глубинной перестройке коммуникативных стратегий военнослужащего, сформированных в условиях военной среды и не всегда адаптивных в гражданской жизни. Так, Т. Молендайт [20] как защитный, описывает механизм

эмоционального «выключения», формирующийся как способ совладания с чрезмерно тяжелым моральным опытом. Как полагает данный исследователь, сохраняясь в мирной жизни, данный механизм трансформируется в снижение эмпатической чувствительности и эмоциональную отстраненность, что непосредственно отражается на качестве диалога в семье. И это – не временное эмоциональное напряжение, а стойкая деформация эмоционального компонента коммуникации, которая объективно накладывает негативный отпечаток на всю систему отношений данного субъекта, – в том числе, – и взаимодействие в семье.

Данный вывод Т. Молендайка [20] находит подтверждение в работах других исследователей, изучающих эмоциональные механизмы взаимодействия в семье и доказавшие феномен эмоциональной поляризации супругов: партнеры поведения ориентированы на внешне выраженные реакции друг друга, что закрепляет требовательно-отстраненное взаимодействие между супругами (К. Лео [18]). Стратегии же уступчивости и приспособления, направленные на снижение напряжения, в долгосрочной перспективе лишь усиливает дистанцию и психологический дистресс (С.Дж. Фредман [16]), способствуя формированию замкнутых коммуникативных циклов, в которых попытка стабилизации отношений, напротив, – закрепляет их дисфункциональность [16].

Вместе с тем, ряд исследований доказывают и ресурсный потенциал семейной коммуникации (Э. Гечер, М. Йылдырыма; Б.Б. Айсмонтас, Е.С. Гусарова, Т.Л. Крюкова, М.А. Одинцова), отмечая, что эмоциональная поддержка, ценностная согласованность и ощущение значимости в семье связаны с более адаптивными копинг-стратегиями и снижением уровня психологического дистресса. Именно противостояние стрессу, как считают исследователи, способно инициировать посттравматический рост и развитие жизнеспособности семьи. При этом, как ключевые характеристики устойчивости авторы выделяют развитые коммуникативные навыки [10]. Другими словами, семейная коммуникация может выступать и как фактор усиления стресса, так и механизмом его преодоления.

Осуществленный нами анализ работ зарубежных и отечественных ученых также позволяет говорить о доминировании на фоне высокой актуальности разработки проблем коммуникации в семьях, отягощенных разного рода травмами (в первую очередь, – боевого стресса) работ, ориентированных на изучение условий оптимизации общения (К.А. Гниденко Е.А. Данилова, Т.Л. Крюкова и др.), тогда как специфика коммуникативных деформаций при посттравматических состояниях остается разработанной, с нашей точки зрения, в недостаточной степени. Зарубежные же исследователи, напротив, делают акцент на разрыве между знанием о принципах конструктивной коммуникации и реальной способностью их реализовать. Так, Н. Чикрыкчи [15] подчеркивает, что коммуникативная компетентность включает мотивационный и поведенческий компоненты и не сводится к информированности; И. Гадиоли [17] рассматривает безопасность как условие практической реализации коммуникативных навыков, связывая с субъективным ощущением психологической безопасности эффективность самовыражения.

Подводя итог выше сказанному, мы считаем возможным говорить о том, что имеющихся в настоящее время теоретико-эмпирических данных в области проблемы коммуникации в современных семьях, недостаточно для полноценного понимания специфики коммуникации в семьях, отягощенных посттравматическим стрессовым расстройством (в частности, – боевым стрессом). Учитывая, что симптоматика данной категории расстройств носит выражено контекстуальный характер, усиливается в конкретных межличностных ситуациях и непосредственно влияет на эмоциональную регуляцию, эмпатию, способность к вербализации переживаний и принятию позиции другого (в том числе, – близкого человека), на наш взгляд представляется актуальным и необходимым разработка программ психологического сопровождения, учитывающих специфику травматического опыта и его влияние на структуру общения. В качестве одного из компонентов такой программы, несомненно, должен стать диагностический пакет, ориентированный на выявление специфики внутрисемейной коммуникации в условиях хронического социального стресса и посттравматических проявлений.

В качестве базовых инструментов могут быть использованы Шкала семейной среды (FES) Р. Х. Муса и Б. С. Муса (адаптация С. Ю. Куприянова), позволяющая оценить эмоциональную сплоченность, конфликтность и экспрессивность взаимодействия, а также опросник FACES-IV Д. Х. Олсона, направленный на диагностику согласованности и адаптивности семейной системы. В целях же выявления специфики субъективно переживаемых трудностей коммуникации может быть использована авторская анкета, целью которой будет анализ эмоциональной открытости респондентов и их способности к обсуждению травматического опыта. В комплексе реализация данного диагностического пакета, с нашей точки зрения, позволит собрать достаточную эмпирическую базу для оценки специфики семейной коммуникации.

Экспериментальную апробацию и последующую разработку программы психологических процедур, направленных на оптимизацию коммуникации в семьях с разными вариациями внутрисемейной коммуникации, выраженностью постстрессовых проявлений и особенностями ценностно-смысловых сфер супругов, мы для себя определяем как целевые ориентиры последующего исследования

Список литературы:

1. Андреева Г. М. Социальная психология. – М.: Аспект Пресс, 2010. – 364 с.
2. Бубер М. Я и ты / пер. с нем. Н. Файнгольда. – М.: Высшая школа, 1993. – 175 с.
3. Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
4. Гниденко К. А. Факторы эффективной коммуникации в семье / К. А. Гниденко // Семья в контексте междисциплинарных исследований: ценности, традиции, повседневность: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Рязань, 21–22 ноября 2024 года. – Москва: ООО "Издательство Ипполитова", 2025. – С. 36-40.
5. Горина П. А., Маркова А. В. Особенности семейных коммуникаций в современной семье // Актуальные вопросы формирования здорового образа жизни студенческой молодежи: сб. науч. тр. XVII Междунар. студенч. науч. конф. «Студенческий научный форум – 2025». – Вып. 8. – 2025. – С.34-41
6. Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии / отв. ред. Ю. М. Забродин, Е. В. Шорохова. – М.: Наука, 1984. – 444 с.
7. Лотман Ю. М. Семиосфера. – СПб.: Искусство-СПБ, 2000. – 704 с.
8. Лотова И. П. Психологическая помощь военнослужащим – участникам боевых действий, уволенным в запас или в отставку, и членам их семей: основные положения / И. П. Лотова // Отечественный журнал социальной работы. – 2023. – № 2 (93). – С. 97-103.
9. Мид Дж. Разум, Я и общество. – М.: Канон+, 2014. – 352 с.
10. Одинцова, М.А., Гусарова, Е.С., Айсмонтас, Б.Б. (2020). Жизнеспособность семьи в стрессогенных ситуациях инвалидности в зарубежных исследованиях. Современная зарубежная психология, 9 (1), 29–38.
11. Разводы в России: мониторинг [Электронный ресурс] / Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). – 2024. – Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/razvody-v-rossii-monitoring>
12. Роджерс К. Становление личности. – М.: Эксмо, 2007. – 480 с.
13. Buechner, B. (2014). Contextual mentoring of student veterans: a communication perspective (Doctoral dissertation), Proquest Dissertations & Theses (Publication number 3615729), Fielding Graduate University, Santa Barbara, CA, United States.
14. Buechner BD (2020) Untold Stories of Moral Injury: What We Are Learning – And Not Learning – From Military Veterans in Transition. Front. Commun. 5:599301.
15. Çıkrıkçı, N. Explaining association between interpersonal communication competence and depression through need satisfaction, anxiety, and stress. Curr Psychol 43, 25468–25480 (2024). <https://doi.org/10.1007/s12144-024-06250-8>
16. Fredman S. J., Le Y., Renshaw K. D., Allen E. S. Longitudinal associations among service members' PTSD symptoms, partner accommodation, and partner distress // Journal of Family Psychology. – 2022.

17. Gadioli, I. Assertive communication: mean what you say, say what you mean / I. Gadioli // Humanitarian and Pedagogical Research. – 2021. – Vol. 5, No. 4. – P. 39-42.
18. Leo K, Crenshaw AO, Hogan JN, Bourne SV, Baucom KJW, Baucom BRW. A replication and extension of the interpersonal process model of demand/withdraw behavior: Incorporating subjective emotional experience. J Fam Psychol. 2021 Jun;35 (4):534-545.
19. Mobbs, M., and Bonanno, J. (2018). “Beyond war and PTSD: the crucial role of transition stress in the lives of military veterans” Corrigendum. Clin. Psychol. Rev. 60:147.
20. Molendijk, T. (2018). Toward an interdisciplinary conceptualization of moral injury: From unequivocal guilt and anger to moral conflict and disorientation. New Ideas in Psychology, 51, 1–8

